

Поэтам и о поэтах

Пушкину

С его рожденья — больше двух столетий,
Но не остыл горячих строк накал:
К нам в дни торжеств, тревог — и чист
и светел —
Прикован взгляд, протянута рука.

Условностями светскими измучен,
Злых языков не перенесши месть,
Он был затравлен, как другой — поручик,
Застреленный вдали от людных мест.

Не устарели все его созданья,
Со лба не стерлась гения печать.
Но каждую зимой в груди отчаянье:
Как много мог бы он еще создать! —

Когда бы снег не всю укрыл фигуру,
Коль кони не бежали бы, а шли,
Когда б в метели, близоруко щурясь,
Его в санях узнала Натали...

Как много нового бы мы узнали
О сокровеннях Пушкинской души,
Когда бы снег так не был кровью залит,
И суждено б ему еще пожить!

Когда порой осенней иль весенней
Прочтем его роман, поэму, быль, —
Мы вспоминаем: был потом Есенин,
Была Ахматова, Твардовский был;

Им отдал он призванья знак высокий,
Любовь и страсть, и ненависть ко лжи;
И крылья острые свои Высоцкий
Обжег, сломал, как он, но не сложил.

Пусть каждый чувствует себя поэтом,
Когда вдали услышит зимний стон...
Дай Бог, чтобы поэтов эстафета
По миру шла, как вечный марафон.

Письма Поэта

Поэта письма предо мною,
Их сотни — двадцать с лишним
лет;
Они проходят чередою,
Теснясь на письменном столе...

С чего начать, мне посоветуй —
Готов пойти на поводу;
Весь замерев, я жду ответа,
Но чувствую, что не дождусь:

Идя своей дорогой трудной,
Ты сам подсказок не любил
И мог открыто и прилюдно
Сказать, кто мил и кто не мил,

Не пощадить чинов высоких
И коронованных особ —
Монарха обзвать деспотом,
Жандарму плюнуть на сапог;

Обдать ничтожество презреньем,
Доносчика, клеветника,
Но — мудрым взглядом,
острым зреньем
Таланты среди друзей искать;

И так бояться их обидеть,
Так дух стараться поддержать —
Хотя не мог порой увидеть,
Тем боле — руку им пожать.

Ты признавался прямо, честно —
Резона не было скрывать:
Не так мила сама известность,
Как честь, ее родная мать.

Был независим — и зависим,
И «светом» связан по рукам...
Твои семь с лишним сотен писем
Мне открывают по строкам

Тоску и боль, любовь и верность,
И преданность своим друзьям,
И бескорыстия неизменность,
Что не признать никак нельзя.

Поверь, твои читая письма,
Переживаем вновь и вновь
Чувств глубину и мудрость мысли,
«И жизнь, и слезы, и любовь».

Пусть не ложатся в наш регламент
Твои поступки и слова:
Поэта взрывчат темперамент,
Ты сам справлялся с ним едва.

Но, бури чувств сполна изведав,
Движения души познав,
Остался навсегда поэтом,
Свой путь в столетья осознав.

Да, многие черты эпохи
Ты отразил в чертах людей —
Тупых, холодных и жестоких,
«Шальных балованных детей»;

Пушкин. Онегин. Дантес

Поэт, ты стал своим пророком
В предчувствии грядущих лет —
За тем, неведомым порогом,
В таинственной зловещей мгле
Ты высмотрел в салонах светских,
Онегина — он был известен
Среди зеркал, паркета, люстр;
Красив, изящен, сердцем — пуст.
Изящество? — Ну что ж, пожалуй,
И даже аристократизм, —
Но все же скрытый эгоизм
Уже проглядывал, как жало.
Он пылких чувств понять не мог,
И душу «отдавал в залог»...

Да, кстати, почему «Евгений»,
Не «Александр», не «Николай»? —
Чтоб рифмовалось с словом «гений»,
Чтоб речь в романе гладко шла?
Нет, видно, вовсе не напрасно:
Тебе, мы знаем, было ясно,
Какая жизнь при дворе —
Ты избегал имен царей...
А что, фамилия «Онегин»
Есть средоточие добра —
Лечения сердечных ран —
Иль воплощенье томной неги?
Тут не каприз и не игра —
Ты долго имя подбирал.

С блестящим воспитаньем
светским

На «волю» выйдя, наконец,
Он хладен был душой и сердцем —
Ну, как, к примеру, твой отец.
Смеялся он самодовольно,
Язвил над глупыми привольно,
Но «вызывал улыбки дам
Огнем неожиданных эпиграмм».
Хотя «наука страсти нежной»
Влекла его к себе всегда,

Не мучился он никогда
«В томленьях грусти безнадежной».
Что вызвало твой интерес
К такому «образцу» повес?
Его не требовал к ответу
Бог-стреловержец Аполлон —
В «заботы суетного света»
Он был обычно погружен.
Салонов завсегдаей светских,
Повсюду приобрел известность
Как общий баловень, шаркун,
Весь на виду и «на слуху»;

И милы были постоянно
Тепло сердец и ласки рук
Его поклонниц и подруг,
Любовь их, нежность —
нет, не странным
Все это было для него,
Его тщеславя существо...
Так почему, скажи нам, Пушкин, —
Открыться можно иногда —
Ты не нашел героев лучше?

Их разве не было тогда?
Лишь барственно роскошной
 ленью,
К своим друзьям пренебреженьем,
Неуважением к судьбе
Онегин дорог был тебе?
Мыслители и полководцы —
Всей драматичностью борьбы,
Незаурядностью судьбы
Тебя не привлекали вовсе?
Ты лишь в Онегине искал
Того, кого «свет» ханжеский
 ласкал...

Возможно, тайной силой ведом
Тебе был будущего вид:
Растерзан будет Грибоедов,
И будет Лермонтов убит.
Ты будешь сам, не зная срока,
По воле беспощадной рока
Расстрелян ханжеством в упор.
Судьбы свершится приговор...
Иль ты не ведал простодушно,
В плену понятий юных лет,
Что лицемерно-сладкий «свет» —
Нет, не прощает непослушных!
В расцвете сил, во цвете лет
Шел на смертельный пистолет,

Презренье выказав повесе,
Рыча, как в тесной клетке лев, —
А милый «свет» ласкал Дантеса,
Тебя, Поэт, не пожалев.
Красавица — но мать семейства! —
Не удержалась от кокетства,

Трещат слегка в печи поленья,
Тепло струится от нее,
И истинное вдохновенье
Остановиться не дает.

Тверда рука и мысли ясны,
Душе и сердцу горячо,
И льет поток стихов прекрасных
Поэт по прозвищу «Сверчок»...

А утром, ото сна воспрянув
И радуясь, как дети, дню,
Он примет ледяную ванну
И вновь доверит бег коню.

С прищуром зоркий глаз отметит —
Уже почти во сне река;
Продрогшие от ветра ветви
Его потреплют по щекам.

С природой чуткой единенье
Всегда так дорого ему:
Ее нетленные творенья —
Биенье сердцу, мысль уму,

Полет душе, любви открытой,
Восторгом полной до краев
И дружбой — верной, не забытой,
Во всем достоинстве своем...

И будут снова литься строки,
То торопясь, то неспеша.
Земли, травы, деревьев соки
Вольет в себя его душа.

Поэт и время

Когда стихи твои коснутся
Глаз и ушей, как весть гонца,
Вмиг наши души встрепенутся,
И жарко застучат сердца.

Тебе была тесна обитель
Покоя, праздности пустой:
Поэт, провидец и мыслитель —
Весь мир ты видел пред собой.

Не на пустом ты начал месте
И жадно к роднику приник:
Тобой продолженные песни
Живут, как твой живет язык;

Да, их написано немало —
Изящных, ласковых иль злых —
О них нам время завязало
В душе и памяти узлы.

Уча, учась, стихами мучась,
Ты никого не поучал,
Но верил, знал: поэта участь
Иных заставит путь начать,

Который благ не обещает
И вовсе не сулит богатств —
Как бы играючи вначале,
Писанье превращает в страсть —

Ту, что немногих заставляет
«Для звуков жизни не щадить»,
Что обостряет зоркость взгляда
И, будто боль, саднит в груди...

Тебя не умаляет время —
Века пред вечностью лишь миг:
Живут прекрасные мгновенья,
А ты — безвременно велик!

Сергею Есенину

Половодье чувств в строках весенних,
Летнее раздолье и покой...
Расскажи про осень мне, Есенин,
Вьюги зимней пляску успокой.

Облик родины своей, России —
Неба синеву и листьев медь,
Зелень свежих трав, дожди косые —
Ты сумел восторженно воспеть.

Не затейливость стихов узоров
Завлекла тебя в пахучий стог:
Безграничье гулкое просторов
Русским словом охватить ты смог.

Ты вставал «весенней гулкой ранью»,
Чтоб вскочить на «розовых коней»
И промчатъ — с любовью или бранью —
Жизнью беспшабашною своей.

От озер, от леса и от пашни
В сердца трепет и в души распах
Влился дух хмельной гульбы вчерашней,
Запах травный на речных губах.

Средь удушливых паров кабацких
К людям и земле тянулась нить:
Всех крестьян — кулацких и бедняцких —
Так хотел ты счастьем наделить...

Мысли жгли тебя не в одночасье,
Хоть бежали встречи и года, —
Родины своей беда и счастье
В сердце поселились навсегда.

И капли вешней звонкий вызвень
Нам твой стих попрежнему дарит —
Что ты написал в короткой жизни,
То уже никто не повторит.

До сих пор жалеем, но не плачем —
Пусть ушел, но продолжаешь быть:
Ведь как лист, что «золотом охвачен»,
Ты успел всю Русь озолотить...

Разговор с Есениным

Средь разлива слякоти осенней,
В пелене нескроенных одежд,
Там, где бродит грусть твоя, Есенин,
Я плыву на корабле надежд.

Я еще восторга не изведаль
«Проскакать на розовом коне»,
Лишь мечта моя ютится где-то —
Хоть в седло бы взгромоздиться мне.

Пусть не ведаю, кому я нужен
И кому никчемный груз отдать,
Парусами шлепая по лужам,
Не решаясь к берегу пристать —

На коня! — пускай любого цвета —
С места в рысь, галоп, карьер,
По лучу пронзительного света,
Вверх, вперед — через любой барьер,

Через балки, речки и овраги —
Только свист в ушах и веток хлест!
По щекам ручьи зеленой влаги,
А в глазах — сверканье чистых слез...